

«Государьская честь» или правовые механизмы защиты публичной власти: история и современность

Хорунжий С.Н.*

Ключевые слова: *Соборное Уложение, конституционно защищаемые ценности, правовой баланс, принцип пропорциональности, публичная власть, президент, суверенитет, правовой титул, инсигнии, распространение информации, неуважение власти, оскорбление.*

Аннотация. *На примере ряда норм Соборного Уложения 1649 года иллюстрируется общность механизмов правового регулирования, обеспечивающих защиту публичной власти и её отдельных институтов в современной России. Сопоставительный анализ норм государственного права XVII века и противоположений современного законодательства позволяет говорить о единстве правового основания — правового титула, определяющего источник происхождения права. Титул, не являясь самостоятельным правом, обеспечивает защиту публичного лица, персонализирующего его носителя — главы государства. В статье демонстрируется межотраслевой характер правовых механизмов, обеспечивающих защиту носителя правового титула нормами публичного и частного права, а также современных технологических средств правовой защиты конституционно защищаемых ценностей.*

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-4-19-22](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-19-22)

Защита интересов публичной власти в лице её соответствующих органов и должностных лиц всегда являлась одной из основных государственных задач. История развития государства и права свидетельствует, что в качестве мер, обеспечивающих неприкосновенность власти, выступали не только элементы мифологизации и религиозной сакрализации, но и прямое физическое воздействие — наказание, подавление и ликвидация угрозы. Начиная от инсигний римских царей в виде трабеи и диадемы или же Мономаховой державы Бориса Годунова — символических знаков могущества и элементов конкретной функции власти — и заканчивая совершенно осязаемым фактическим и юридическим правоприменением фасций — в законах Нумы Помпилия [4], батогами — в «Русской правде» (XI в.) или кнутом — «торговой казни» — в Судебнике Ивана III (1497 г.), государство всегда стремилось обеспечить надлежащий уровень защиты своих публичных интересов. Инструментарий применяемых мер менялся со временем, но неизменным оставался спор в отношении их допустимости, а также соразмерности степени и характеру деяния.

В части соблюдения требований пропорциональности, как ретроспективной реакции государства за совершенные правонарушения (преступления), представляет существенный интерес анализ развития норм права в процессе его систематизации и кодификации, что позволяло обеспечить прежде всего реализацию пре-

вентивных функций правового регулирования. В этом смысле представляет существенный интерес исследование кодифицированного памятника русского права [6] — Соборного Уложения 1649 года (далее также — «Уложение», «Уложение 1649 года»).

Не останавливаясь на многочисленных прогрессивных элементах данного исторического документа, сфокусируемся на анализе правовых механизмов защиты публичной власти, сконцентрированных преимущественно в главах 2 и 3, и позволим некоторые правовые аллюзии на нормы действующего российского законодательства.

Разработчики Уложения закрепляют весьма понятную с точки зрения религиозно-правовой парадигмы того времени структуру документа: преступления против церкви («О богохульниках и о церковных мятежниках») имеют первостепенное значение — им отводится первая глава Уложения. Клерикальное мировоззрение требовало безусловного и непосредственного исполнения Слова, реченного устами римского гражданина и первоверховного апостола Павла, ставшими неотъемлемой частью православного вероучения, — «... нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Послание к Рим. 13:1).

Категорический запрет на «всякую хулу» либо «непристойные речи» или обращение во время церковного пения к государю или «иным властям» о своих де-

* Хорунжий Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, секретарь Избирательной комиссии Воронежской области, г. Воронеж, Российская Федерация.

E-mail: snhor@mail.ru

лах «бити челом» требовал безупречного поведения. В противном случае нарушитель будет «вкнут в тюрьму, на сколько государь укажет» (пункты 1, 8, 9 главы 1 Соборного Уложения 1649 г.).

Несмотря на то, что Уложение не содержит прямых указаний на природу власти государя, источник её происхождения был очевиден — «Итак, будьте покорны всякому человеку челоу начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти» (1 Послание Петра 2:13). Религиозный аспект богодуховности царской власти закономерно находил проявление в её правовом обосновании в виде государственного титула — «царь». Помимо собственно «звания» (от лат. *titulus* — «звание, надпись») титул указывает на правовое основание соответствующего права. Как отмечает М. А. Исаев, титул, равно как и право на него, всегда являлись важнейшим видом государственных прав. Титул либо удостоверял фактическое состояние дел, либо содержал требования о признании подразумеваемого статуса и вытекающих из него привилегий. С юридической точки зрения титул не что иное, как «символ права на ту или иную вещь» [3, с. 240]. При этом «вещь» может толковаться достаточно широко — от участка земли до государства в целом. Титул указывает на право, сам непосредственно таковым не являясь. Титул — это «имя права», «символ права» на государственную территорию [3, с. 240]. Именно по этой причине титул, являющийся свидетельством основания возникновения права в сфере цивилистических отношений, сохраняет частноправовые элементы в публично-правовой сфере, имея, однако, уже иную природу. Здесь монарх становится сувереном, является символом публичной власти и государства в целом.

Особенности указанного правового статуса предполагают соответствующие инструменты и средства защиты монарха, когда любое деяние (действие или бездействие), физическое или словесное воздействие на него лично будет квалифицироваться как покушение на основы государственного устройства и суверенитет. Титул царя, самодержавного и наследного монарха, определенный Соборным Уложением 1649 года, требовал от эпонимного «законодателя» членов Земского собора во главе с князьями Н. И. Одоевским, С. В. Прозоровским и Ф. А. Волконским разработки сообразных мер его правового обеспечения. Последнее находит свое отражение в попытках отраслевого выделения норм государственного и уголовного права, введения рубрикации, исполнения иных правил, соответствующим требованиям юридической техники XVII века.

В главе II «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать» и главе III — «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было» Уложения содержатся преступления против личности государя и его семьи, а также целый ряд таких государственных преступлений как измена, бунт, заговор, извет [5]. Для наших целей представляют интерес присутствующие здесь нормы, устанавливающие ответственность за поругание чести государя: прежде всего это хула и брань, клевета и оскорбление. Соборное Уложение выделяет следующие объекты оскорбления: служитель церкви (гл. I ст. 2—7),

государев двор (гл. III ст. 1—5), а также суд, судья и третейский судья (гл. X ст. 105, 106, гл. XV ст. 5).

Юридическая квалификация оскорбления была достаточно своеобразной. Данная категория включала в себя, так называемые, «невместные слова» — не подобающие, неприличные, неуместные [2]. При этом указанная неуместность являлась более элементом статусного недопущения, нежели прямого оскорбления лица словом. Как указывает М. Н. Воробьев, невместные слова — это не брань: «Скажем, человек какой-то с пьяных глаз говорил, что государь-де наш не жилец на этом свете — это и было невместное слово. А просто брань в пьяном виде — это была хула, оскорбление, непристойная речь». [1, с. 97—98].

По тексту Уложения мы также встречаем такие составы умаления государьской чести как «злое умышление» или «злое дело мыслил» на царское величество (ст. 1 гл. II), или «обесчестить кого-либо словом» при государе или в его дворе, «не опасаясь чести царского величества» (ст. 1 гл. III) и др. За содеянное полагались различные виды наказания: от заключения в тюрьму до — «казнить смертью».

Защита чести и достоинства лица — олицетворителя верховной власти — разработчиками Соборного Уложения выражена значительно ярче, нежели защита жизни и здоровья царя как физического лица. Подобная законодательная линия в полной мере соответствует указанному выше пониманию правового титула — лицо, владеющее им, охватывает все основные элементы государства: власть, территорию и население. Отсюда признание царской ипостаси в качестве высшей ценности и обеспечение максимальной защиты его как единственного носителя титула. Нельзя сказать, что закрепление такой юридико-идеологической парадигмы является абсолютно уникальным. В исторической летописи разных государств мы найдем весьма схожие примеры правового регулирования. Интерес представляет содержательное развитие подобных институтов и современное их состояние. Как известно, в нашей стране периодом официальной ликвидации всех титулов, в том числе императора Российской Империи, стали события 1917 года. Вместе с этим, титул не является исключительно атрибутом монархии. Кроме того, даже в монархических государствах его содержание может иметь совершенно иные идеологические и юридические составляющие: во множестве современных правовых режимах должность монарха низведена до должности уполномоченного народом лица.

В российском государстве некоторые институты публичной власти не только не утратили своих исторических корней, напротив, получили свое закономерное историческое развитие и новое юридическое содержание. В соответствии с частью 1 статьи 3 основного Закона в нашей стране единственным источником власти и носителем суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации. Главой государства является Президент Российской Федерации, который выступает гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Президент страны принимает необходимые меры по охране суверенитета,

независимости и государственной целостности Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 80 Конституции России).

Приведенные конституционные правоположения закрепляют светские основания происхождения современной высшей власти (народ как источник власти), персонализируя её в конкретной должности (Президента РФ), содержанием которой выступает статус «гаранта» основополагающих прав и свобод, а также конституционных полномочий по обеспечению государственного внешнего суверенитета и внутренней целостности страны. Позволим себе сказать, что данные элементы отчасти выступают современными атрибутами титула верховного лица государства — титула Президента. Именно титул Президента инкорпорирует в себя все исторически-традиционные элементы такого правового феномена. В частности, в качестве внутреннего содержания титула будут выступать элементы легитимности его избрания (исполнение избирательных процедур, обеспечивающих реализацию правомочия «народа» как источника власти), в качестве внешних атрибутов власти, его инсигний, Штандарт, или Флаг Президента России.

Вместе с этим юридическая завершенность правового титула Президента требует присутствия специальных механизмов, обеспечивающих не только его физическую безопасность, но также защиту чести и достоинства владельца титула — подобно наказаниям за «невместные слова», хулу и «злые умысления» Соборного Уложения 1649 года.

Законодательство современного периода, бесспорно, находится на совершенно ином этапе владения юридической техникой. Однако её основы, положенные в том числе в Уложении 1649 года, нашли свое закономерное историческое развитие вместе с многими составными разноотраслевыми деяниями. В этом смысле представляют интерес нормы Федерального закона от 18.03.2019 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Указанными изменениями законодателем вводится административная ответственность за распространение информации, которая выражает явное неуважение к государству, её официальным символам или органам, осуществляющим государственную власть, в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность (ч. 3 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее — КоАП РФ).

Обратим внимание, что для современного мира, в котором информация является ценнейшим инструментом обеспечения целостности и единства, законодатель устанавливает ответственность не только за прямое неуважение к Государственному флагу Российской Федерации, Государственному гербу Российской Федерации или Государственному гимну Российской Федерации (ст. 17.10 КоАП РФ; ст. 329 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ) — инсигниям современного публичного порядка [7, 8, 9], но и опосредованные формы унижения атрибутов государства и его правового титула в виде «распространения» соответствующей информации.

В части установления ответственности за неуважение к государству или органам, осуществляющим государственную власть, отметим следующее. Действующее уголовное законодательство, например, содержит такой самостоятельный состав, как «неуважение к суду», под которым понимается оскорбление участников судебного разбирательства либо судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ). Также отметим, что традиционная категория преступлений против государственной власти (раздел X УК РФ), включает в себя такой состав, как оскорбление публичной власти (ст. 319 УК РФ). Кроме того, действующее законодательство содержит и цивилистические механизмы защиты чести и достоинства как самостоятельных нематериальных благ (ст. 150 и 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Достаточно сложным здесь может стать рассмотрение вопроса об отграничении оскорбления или неуважения от критики. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации, допустимые рамки критики публичных лиц являются гораздо более широкими, чем в отношении частных лиц; особое доминирующее положение правительства обязывает его быть сдержанным, особенно при решении вопроса об уголовном преследовании «на неоправданные нападки и критику со стороны его противников»¹. Решение указанного вопроса представляется вполне возможным при соблюдении баланса конституционно защищаемых ценностей, принципа пропорциональности частноправовой и публично-правовой сферах правового регулирования².

Вместе с этим вводятся и новые, «технологические», способы обеспечения защиты публичных интересов. В частности, Федеральным законом от 18.03.2019 г. № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривается возможность удаления информации, указанной в ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ. В противном случае — ограничивается доступ к информационному ресурсу, содержащему подобную информацию, в том числе, к сайту в сети Интернет.

Проведенный выше сравнительно-исторический анализ некоторых норм Соборного Уложения 1649 года, а также современных правоположений позволяет сформулировать ряд выводов в части условий общности механизмов защиты публичной власти.

Первое. Единство юридической природы в квалификации власти, а также её персонализации в статусе публичного лица, обладающего специальным титулом, указывающего на источник возникновения права и являющегося основанием последующих государственных правомочий. Различия присутствуют лишь в определении конкретной первопричины власти и её происхождения в зависимости от конкретно-исторических периодов развития: богодуховность «государской чести»

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

² См.: Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

(Средневековье) и конституционный титул Президента как гаранта реализации представляемого им многонационального народа как единственного источника власти (XXI век).

Второе. Единство внешних атрибутов власти (инсигний), сохранившихся не столько количественно, сколько содержательно. Действующее законодательство под угрозой наказания императивно запрещает какие-либо формы проявления неуважения к внешним символам государства и власти: Государственному флагу Российской Федерации, Государственному гербу Российской Федерации, а также Государственному гимну Российской Федерации. В одном случае действия сопряжены с физическим уничтожением, в другом — моральным, информационно-публичным, уничтожении власти и её титульных атрибутов.

Третье. Единство и многообразие правового инструментария защиты публичной власти и её представителей. Одни из первых попыток систематизации

и кодификации законодательства, предпринятые разработчиками Соборного Уложения 1649 года, а также последующее совершенствование юридической техники привели, в конечном счете, к межотраслевому регулированию рассмотренных нами институтов защиты публичной власти. Последние включают в себя нормы уголовного, административного и гражданского законодательства. Кроме того, указанное межотраслевое регулирование дополняется современными технологическими средствами правовой защиты конституционно значимых ценностей.

Исследование исторических корней современных правовых институтов и механизмов, понимание истории их развития всегда является важным инструментом в деле совершенствования действующего законодательства, что обеспечивает сохранение конституционно значимых правовых ценностей и перспективное развитие регулируемых законом правоотношений.

Литература

1. Воробьев М.Н. Русская история. Ч. I. М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1999. С. 97—98.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
3. Исаев М.А. История российского государства и права. М. : Статут, 2012. С. 240.
4. Кофанов Л.Л. Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII—III вв. до н.э. М. : Статут, 2016.
5. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.Ю. Заксон и др.; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор. М. : ИЗИСП, 2016.
6. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М. : ИЗИСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017.
7. Хорунжий С.Н. Ортодоксия в юриспруденции и теологии как элемент современной правовой среды // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2. С. 4—11.
8. Хорунжий С.Н. Религиозная мораль в историческом контексте нормативного содержания современной правовой среды // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 54—57.
9. Хорунжий С.Н. Юридикологические «архаизмы» современной общественной морали: философский аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1(15). С. 48—53.

Рецензент: Рыбаков Олег Юрьевич, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия.
E-mail: ryb.oleg13@yandex.ru

